МИЯ ВАКИ

Я ЖИВА из-за ТЕБЯ

18+

Мия Ваки
Я жива из-за тебя

https://litres.ru/74651328
SelfPub; 2026

Аннотация

История о двух "ошибках", знакомых благодаря их матерям.

Восемнадцатилетняя Ито Мицуки живёт одна в обычной квартире двухэтажного дома и платит за неё оценками. Она усердно учится, ведь думает, что в будущем это поможет ей поступить в университет и найти хорошую работу, но на деле только уничтожает и всё больше убивает её, потому что она ходит с "мёртвым" взглядом.

Игараши Рэнджи парень с, на первый взгляд, плохим образом жизни, ведь он дружит со взрослыми мужчинами, выпивает, курит и ходит в нелегальные клубы. Но за фасадом плохого парня скрывается брошенный отцом мальчик, познавший самостоятельную жизнь слишком рано.

Учительница математики Такахаши-сэнсэй и по совместительству приёмная мать Мицуки говорит помочь Рэнджи наверстать упущенное, чтобы он просто закончил школу и самое интересное начинается именно здесь.

Это любовный роман о двух школьниках с атмосферой тёмной романтики.

Содержание

Предисловие 4
Глава 0 5
Глава 1 69
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Мия Ваки
Я жива из-за тебя

Предисловие

Здравствуйте, дорогие читатели платформы Литрес. Книга является молодёжным романом в сеттинге японской школы.

Что встретится в тексте:

1. Неоднозначные главные герои подростки, совершающие ошибки. Как автор я старалась создать максимально живых персонажей, поэтому любить вам их или нет — сугубо ваше решение.

2. Книга не пропагандирует раннюю незапланированную беременность.

3. Персонажи будут употреблять алкоголь, курить сигареты и посещать нелегальные клубы. Текст ни к чему не призывает и является лишь художественным вымыслом для создания вайба "неудобных учеников".

4. Между главными героями будут встречаться моменты "на грани", поэтому если вы младше восемнадцати лет, читайте с осторожностью.

5. Оба главных персонажа являются сломанными детьми и живут так, как умеют.

Глава 0

1999 год

Я не люблю свою мать, и это нормально для меня. Отца у меня нет, а почему, я не знаю — она мне не говорила, какой мужчина был с ней.

Восемнадцать лет я живу под одной крышей с женщиной, которую зовут Хиура Аканэ. Нормальные матери заботятся о своих дочерях, а моя же совсем не такая, поэтому Аканэ я могу назвать своей матерью лишь с натяжкой. Скорее, это женщина, из-за которой я не живу на улице и не умираю от голода.

Моя мать ведёт весьма разгульный образ жизни, порой совершенно забывая, что у неё есть дочь. В свою же очередь не могу сказать, что я примерная школьница. Я чем-то похожа на Аканэ, но не настолько. Я курю с пятнадцати лет, потому что больше общаюсь с парнями, чем с девушками. Да и на самом деле с парнями мне было всегда уютнее, потому что среди этих школьных красоток я всегда чувствую себя какой-то лишней, ведь я никогда не стремилась привлечь внимание мужского пола в целях построения отношений. Однако среди девушек у меня есть только одна подруга — полукровка Морита Сара, у неё две розовые заколки справа. Ей я доверяю больше всего, потому что хоть и она красотка школы, она мне не кажется такой же змеёй, как и остальные.

Я восемнадцать лет учусь в одной школе и вскоре её закончу, чтобы наконец-то свалить от Аканэ и жить в общежитии университета, в который хочу поступить. В начале года наш класс оповестили о Морите Саре, которая перевелась к нам из США. Так как она полукровка, парни смотрели на неё как на предмет экзотики. Ведь как же это круто, когда среди нас есть хафу, с которой много о чём можно поговорить.

Сара быстро стала популярной девочкой, и с ней хотели встречаться почти все парни нашего класса, но, конечно же, она никому из них не дала, потому что отличница.

Я подружилась только с ней, потому что от неё хотя бы не несёт лицемерием, и она более открытая, чем другие наши одноклассницы.

***

Сейчас октябрь, уже второй триместр, и до поступления в университет осталось не так уж и много. С нетерпением жду, когда попрощаюсь с Аканэ и буду жить в общежитии.

Так как я в очередной раз тусовалась с парнями, то просто иду по тёмной улице домой по дороге и стараюсь не наступать в лужи. Мне совершенно не хочется промочить ноги и снова просить у Аканэ деньги на новые кроссовки. Я могла бы, конечно, устроиться на подработку в магазин, но не хочу тратить время на работу, потому что я в выпускном классе.

Я знаю, что на часах десять вечера и мне полностью на это всё равно. Я могу прийти домой и в двенадцать ночи, ведь с Аканэ у нас взаимное понимание — не лезть друг к другу.

Она мне всё равно не позвонит, чтобы узнать, где я, ведь я уже однажды сказала, что у меня своя компания, и пусть она не лезет в мою жизнь. Аканэ позвонит только в том случае, если на часах будет двенадцать ночи, а её дочка всё ещё не дома. Такое уже было, и я возвращалась домой с ароматом сигарет и алкоголем в моём подростковом организме. Первое время Аканэ говорила, что мне только пятнадцать, а я уже курю и от меня пахнет алкоголем, на что я ей говорила, что она делает почти то же самое, только она моя мать. Аканэ сразу же заткнула свой рот и больше ничего не сказала, ведь как удобно уличить дочь в таком образе жизни, а за собой не замечать.

Подойдя к нашему дому, я вставляю ключ и открываю дверь. Твоя «любимая» дочь наконец вернулась, Аканэ.

Я захожу домой и вижу, что в прихожей горит свет. Ничего необычного, потому что Аканэ ведь помнит про меня. Я сажусь на левое колено, чтобы развязать кроссовки… и вижу ещё одни чёрно-красные, стоящие справа, которые явно не моего размера и не Аканэ.

Да, я и так знаю о разгульном образе жизни Аканэ, но это… меня в каком-то смысле даже задевает. Всё ещё сидя на колене, я смотрю на мужскую обувь. Внезапно со второго этажа до моих ушей доносятся стоны… Аканэ.

— Боже мой… — тихо говорю я себе под нос.

Если Аканэ и приводила домой очередного мужчину, то делала это так, чтобы я не знала об этом, потому что хотя бы

капля стыда у неё тогда была. Но за мои восемнадцать лет я впервые слышу, как Аканэ с кем-то трахается.

Чтобы спрятать часть своей обиды на эту женщину, я усмехаюсь в пустоту. Она просто привыкла, что я поздно прихожу домой и, видимо, в этот раз понадеялась, что раньше двенадцати меня можно не ждать.

Под стоны Аканэ я развязываю кроссовки, потому что я пришла к себе домой. Встав с колен, я снимаю обувь и ставлю её влево, а потом снимаю куртку и слышу женский крик.

— Чёртова Аканэ…

Я держу эмоции под контролем, чтобы не разрыдаться прямо здесь. Я живой человек, и мне теперь некомфортно в своём же доме.

Повесив куртку на крючок, я иду мыть руки именно на кухню и слышу шаги на втором этаже. Сейчас они оба пойдут в душ, а потом я обозначу своё присутствие для Аканэ. Я слегка открываю кран, намыливаю руки, немного тру и ополаскиваю, а потом закрываю и вытираюсь о полотенце.

У меня сейчас нет возможности подняться на второй этаж и переодеться в домашнюю одежду, поэтому, одетая в кофту, юбку и колготки, я прохожу в гостиную и сажусь перед телевизором, а потом погромче включаю его. Я знаю, чем она занималась, так почему же я не могу дать ей знать о своём присутствии?

Пока я сижу на диване и «смотрю» телевизор, то жду, когда они спустятся сюда и я посмотрю на неё.

Спустя некоторое время я слышу, как они топают по лестнице. И вот сейчас будет момент… Повернув голову направо ко входу в гостиную, я уже жду, когда Аканэ поймёт, что дочь всё слышала.

Моя мать и её очередной мужчина спускаются в прихожую и останавливаются в проходе, а я пытаюсь не плакать. Женщина с каштановыми волосами до плеч в цветочном платье в пол стоит на входе и смотрит на меня, округлив глаза. А её новый мужчина, одетый повседневно, стоит рядом с ней, также смотря на меня.

— Исанами… Когда ты пришла домой? — спрашивает Аканэ с ноткой растерянности.

Я рада тому, что ей стыдно и даже очень. Скрестив руки на груди, я сижу на диване и сдерживаюсь, чтобы не дать волю эмоциям прямо сейчас.

— Только что. Не ждала?

После моего вопроса этот мужик быстро выметается из нашего дома. Как же жаль… Я уже и так всё слышала, и скрывать нечего.

— Я думала, ты придёшь не раньше двенадцати… — тихо говорит Аканэ.

— Сломала систему и пришла раньше. А ты, как всегда, в своём репертуаре.

— Это моя личная жизнь, Исанами. Ты тоже скоро станешь женщиной, так что кого ты вообще судишь?.. — Аканэ скрещивает руки на груди и выгибает бровь.

— Боже, кого ты обманываешь?! — я закричала на неё. — Тебе не нужно моё присутствие в своей грёбаной жизни! Тебе нужны только мужики!

— Исанами, сейчас же замолчи и не ругайся при матери! — подойдя ко мне, она бьёт меня по щеке.

— Ты мразь! Ты худшая мать! — я продолжаю кричать, не обращая внимания на горящую от боли щёку.

— Я сказала тебе заткнуться!

Не выдержав прилив эмоций, я встаю с дивана, выхожу из гостиной и бегу на второй этаж, потому что мне надо выплакаться, пока Аканэ что-то орёт мне вслед.

Я буквально врываюсь в свою комнату и громко хлопаю дверью, чтобы эта тварь знала, что я сейчас чувствую. Резко упав на кровать, я прячу уже заплаканные глаза в подушке.

— Чтобы ты сдохла, Аканэ, — я пищу в подушку.

***

Сегодня была контрольная по математике, и несмотря на то, что она всегда плохо мне давалась, я постаралась хорошо подготовиться, потому что от оценок зависит моё будущее.

Эти пятьдесят минут были довольно стрессовыми, поэтому после уроков мы с мальчиками пошли покурить, как всегда, это делаем, чтобы успокоить нервы. Это была наша серая подворотня, в которой мы всегда зависали.

Я стою, облокотившись спиной и подогнув одну ногу о стену. Справа от меня стоит мой самый близкий друг — Ито Нораё. Нораё, парень с каштановыми волосами, такой же

среднестатистический школьник, не обладающий особыми способностями к учёбе и учится он «как повезёт». Сару мне может заменить только он, поскольку с ним легко общаться, да и он просто отзывчивый и часто мне помогал с темами, в которых я не разбираюсь. Из-за того, что мы часто вместе, одноклассники начинают думать, что мы встречаемся. Меня это раздражает, потому что парни в классе для меня просто хорошая компания, а девочки думают, что мы обязаны сразу же поцеловаться, чтобы удовлетворить их любопытство.

Поднеся к губам сигарету, я вдыхаю и выдыхаю через нос. Я смотрю в одну точку, и осенняя прохлада успокаивает меня так же, как и всех парней возле меня.

— Какие у вас планы на будущее? — я внезапно слышу голос Нораё.

— Давно думаю о том, чтобы поступить в Америку, — усмехается один наш одноклассник. — Хочу себе девушку-американку, потому что наши меня разочаровывают своей закрытостью.

Услышав про «закрытость», я улыбаюсь уголком губ, потому что чаще думала, что девочки гораздо более доступные, ведь Аканэ именно такая.

— Кто тебе не дал в этот раз? — спрашиваю я с ноткой веселья.

— Сара-чан, — при упоминании её имени я удивляюсь, — она ведь полукровка, но характер всё равно не тот. Думал, она гораздо доступнее, как показывают в американских се-

риалах. На деле же всё не так.

Я отвожу взгляд от одноклассника. За всё время, пока Сара учится с нами, я успела заметить, что, кажется, она неровно дышит к отличнику Игараши Шинджу. Не то чтобы я была так наблюдательна к подруге, но что-то я замечала такое, что говорило о том, что Сара может быть влюблена в этого ледышку.

— На Саре-чан девушки не заканчиваются. Ты пробовал с кем-то ещё? — предложил другой одноклассник.

— Была одна. Очень красивая и всё при ней, — на последнем парни усмехнулись. — Пытался уломать и делал всё, чтобы дала. Не сработало.

После чего одноклассник протяжно вздыхает.

— Поэтому и разочаровался? Хотел острых ощущений? — усмехнувшись, спросил тот одноклассник.

Друг кивает головой в знак согласия.

Между нами пятью на какое-то время повисает тишина, потому что каждый думает о своём и наслаждается обществом друг друга. Парни часто говорят о девушках в таком контексте, поэтому я привыкла к этому и не вижу в этом чего-то «грязного». Скорее, меня удивляет, что Шинджу-кун в этом плане сильно уступает им. В нём не бушует столько тестостерона, сколько есть в них. Наверное, учёба плохо влияет на него. Думая об этом, я улыбаюсь собственным мыслям.

Пока мы так стоим, я слышу, как кто-то остановился у подворотни напротив нас. Я поднимаю взгляд и выхожу на

середину — это Сара. Она смотрит на нас так, будто не знала, что половина нашего класса — это курильщики, любящие выпить.

— Сара? — спрашиваю я с нейтральным выражением лица.

— Привет, ребята…

— Сара-чан! — восклицает тот самый одноклассник, которому она не дала.

— Что такое? — она слегка выгибает бровь.

— Как настроение после контрольной? А то ты смотришь на нас с таким лицом, будто не знаешь, что мы курим, — он весело усмехается.

— Да всё нормально… Устала просто, вот и домой иду.

— Хорошего дня!

— Да, спасибо, вам тоже хорошего дня. Я пойду.

Сара уходит дальше по улице, а я становлюсь на то же место.

— Иса… — задумчиво протягивает он же. — Вот как девушка, скажи мне. Чего вообще хочет женский пол от мужского?

Этот вопрос мне не очень нравится, поэтому я поджимаю губы, смотря на то, как в его глазах пляшут какие-то чёртики.

— Откуда я знаю, чего девушки хотят от вас? Мне это неведомо, я с ними не общаюсь даже.

— Сара-чан твоя подруга. Ты знаешь, чего она может хо-

теть, — он ухмыляется.

Я не думаю, что стоит им говорить о том, что Сара испытывает чувства к Шинджу-куну, иначе какая я вообще подруга, если выдам им такую личную информацию?

— По глазам вижу. Ты знаешь больше, чем говоришь.

— Так, — я улыбаюсь, чтобы не выдать себя, — я не общаюсь с девушками, поэтому понятия не имею, кто им нравится и чего они вообще хотят и в каком смысле.

Разве что я знаю, что Аканэ нужны только плотские утехи, но это в разговоре будет лишним.

— Тогда… Чего хочешь ты, Иса? — он, ухмыляясь, смотрит на меня с опущенными веками.

— Для начала просто поступить в университет, — я обламываю его.

— И всё? А как же любовь и с…

— Это её личное дело. Пусть сама решает, что ей надо, — вмешивается Нораё.

Я не поняла, что это сейчас вообще было и почему Нораё внезапно… заступился за меня?

Сведя брови, я поворачиваю голову направо и смотрю вверх на Нораё. В моих глазах вопрос, а в его я вижу расслабленность и некий ответ.

— Ясно. Не вмешиваюсь. Всё, — я слышу голос одноклассника.

Трое парней уходят, оставляя нас одних. А я просто смотрю в одну точку, не понимая, зачем Нораё решил вмешаться,

когда я могла ответить и сама.

***

Урок истории только что закончился. Встав со своего места на четвёртой парте третьего ряда, я иду в конец класса, чтобы взять из своего шкафчика чупа-чупс. Именно сейчас мне захотелось чего-то сладкого.

Подойдя к нашим шкафчикам, я открываю свой и достаю из портфеля конфету со вкусом малины. Всегда нравился этот вкус. Я быстро разворачиваю чупа-чупс и погружаю себе в рот, начиная рассасывать.

Я разворачиваюсь к шкафчикам спиной и едва не вздрагиваю, потому что ко мне идёт Сара. У неё в правой руке ручка, и Сара идёт весьма уверенно.

Сара подходит ко мне, слегка улыбается и открывает свой шкафчик. Мне резко становится интересно, что она хочет достать, поэтому я внимательно слежу за её действиями. Чуть повернув голову направо, я вижу, что она достала розовый лист бумаги, который заставляет меня свести брови. Она отходит к нашему небольшому деревянному столу, который находится в одной «стенке» со шкафчиками. Сара кладёт лист бумаги на него, немного склоняется и начинает что-то писать на нём.

Да, мне интересно, что она пишет, и этого скрывать я не собираюсь, но также я не знаю, как мне незаметно подсмотреть.

Я вынимаю чупа-чупс изо рта и тихо подхожу к ней, но

между нами остаётся расстояние.

— Что ты пишешь?

Сара тут же замирает над своим розовым листом, а потом поворачивает голову ко мне. Она удивлена и даже очень. Ну а что она думала? Что мне всё равно, что она там пишет? Нет, мне очень интересно.

— Я… Да просто… Записку пишу одну. Она очень важна… — сказав это, Сара слегка улыбается.

— Что за записка? — спрашиваю я с нескрываемым любопытством.

— Кое-что очень важное, Исанами. Если получится, потом расскажу.

Связано ли это с Шинджу-куном и что это «Если получится, потом расскажу»?

— Что ж… Ясно, — ответив, я снова погружаю конфету в рот.

Я снова прислоняюсь спиной к шкафчикам и заостряю внимание на Накаяме Сэиджи, сидящем за своей партой. Изгой нашего класса и ещё и из бедной семьи. Я видела, как над ним издеваются мои одноклассники, и мне, если честно, совершенно плевать на это. Если я вмешаюсь в перепалку, то начнут издеваться и надо мной, несмотря на то, что я общаюсь только с парнями. Те, в свою очередь, могут бросить меня и сказать: «Сама разбирайся». Поэтому мне не надо лишних проблем с жертвой издевательств.

Я слышу, как Сара закончила писать свою очень важную

записку и в этот же момент Сэиджи-кун развернулся всем корпусом и посмотрел в сторону Сары. Снова повернув голову направо, я вижу, как Сара уходит из класса. В кабинете остаюсь я, Сэиджи-кун, три девушки и ещё двое парней.

Звук шагов Сары всё отдалялся и отдалялся, а я видела, как Сэиджи-куну становится… грустно? У меня нет желания подходить к нему и спрашивать, какие у него душевные проблемы, потому что у меня самой не всё в порядке. Смотря на него, я просто усмехаюсь и закатываю глаза.

— Как ты думаешь, она уже со всеми?.. — до моих ушей доносится шёпот одноклассницы.

Я не придаю значения этим словам и разворачиваюсь к своему шкафчику.

— Исанами-чан общается только с парнями и Сарой. Хоть и ведёт себя как вся такая нетронутая, по-любому перетрахалась со всеми.

Я тянусь открыть шкафчик и тут же замираю на месте. Эти идиотки говорят обо мне. Вот поэтому я и не общаюсь с девушками, потому что думают только о своих парнях и как быстрее выскочить замуж, чтобы ничего не делать.

— Так есть же слухи, что она встречалась уже со всеми своими четырьмя друзьями. Наверное, больше понравилось делить постель с Нораё-куном, поэтому с ним и зависает чаще всего.

Во мне закипает огромный ураган ярости, отчего я сжимаю ручку шкафчика до боли в руке. Мне ничего так не хо-

чется, кроме как подойти и разбить этим курицам носы.

— Исанами-чан ведь считает, что все девушки красятся и смотрят за собой исключительно для мужского внимания. В её тупую башку никогда не придёт мысль, что мы можем выглядеть хорошо исключительно для себя.

— Идиотки… — произношу я одними губами, продолжая зло смотреть на свой шкафчик.

Почему я их до такой степени интересую? Это моя жизнь, и с кем хочу общаться, с теми и общаюсь. Из-за их тупых слухов наша дружба с мальчиками не кончится!

— Или наоборот, из-за этого нормальные парни на неё и не смотрят, потому что по-любому шлюха и ещё и заразит чем-нибудь. Фу.

Исанами, держи себя в руках. Ты выше этих мерзких слухов.

— Она дружит с Сарой. Удивлена, как отличница может общаться с таким биомусором в виде Исанами.

Пора дать этим идиоткам знать, что я всё слышу. Глубоко вдохнув, я выдыхаю. Они добиваются того, чтобы я разозлилась и накинулась на них, поэтому спокойно, Исанами.

Развернувшись, я подхожу к стулу ближайшей последней парты, очень громко отодвигаю его и сажусь за парту, а потом так же громко бью рукой о неё.

Поняли, твари?

Девушки передо мной тут же вздрагивают и замолкают. Так-то, курицы.

***

2000 год

Я иду по улице домой с уроков, потому что мальчики решили заняться полезным — подготовкой к поступлению в токийский университет. Сейчас уже почти конец третьего триместра, то есть февраль и совсем скоро окончание школы. Мы все сдали централизованный экзамен, иначе без него нас не допустят до вступительных испытаний, то есть к своей будущей успешной жизни в большом доме.

Я начала к нему готовиться ещё в сентябре прошлого года, потому что если бы я не сдала его, то не знаю, что меня бы ждало в будущем, кроме бедности. А ещё я до сих пор не верю, что уже двадцать первый век, так как сейчас двухтысячный год. Двадцатый век закончился, и мне уже скоро девятнадцать.

Мысль о том, что я скоро перееду в общежитие, очень воодушевляет меня, так как я смогу забыть о существовании Аканэ хотя бы на некоторое время. Её разгульная жизнь ведь всё так же продолжается, просто теперь она относится ко мне осторожно, и когда прихожу домой, то этих стонов я уже не слышу.

Спустя некоторое время я прихожу домой и начинаю разуваться.

— Исанами, — Аканэ строго произносит моё имя.

Так как я сижу на одном колене, то поднимаю голову с вопросом в глазах.

— Что? — спрашиваю я ровным тоном.

— У меня к тебе очень серьёзный разговор, который касается твоего будущего, — Аканэ скрещивает руки на груди.

Она и так знает, что я буду поступать в университет. Что ей ещё надо?

— Какой разговор? — смотря на неё, я выгибаю бровь.

— Сначала встань с пола, — недовольно бросает она.

Я выполняю просьбу этой женщины и становлюсь на обе ноги.

— Я редко говорила об этом, но у меня есть подруги, которые старше меня, — начинает она, а я жду, что она будет говорить дальше. — У всех моих подруг уже есть внуки.

— Поздравляю твоих подруг. Мне что до этого? — я закатываю глаза.

— Тебе восемнадцать лет, и в марте уже день рождения, а там ты школу закончишь.

— И?

— Ты с матерью говоришь или с чужим человеком? — язвит Аканэ.

— Я знаю, что мне восемнадцать и что я скоро закончу школу.

— Ты не будешь поступать в университет, Исанами, — она сверлит меня взглядом.

Услышав это, я широко распахиваю глаза и моргаю. Я и так считаю, что у Аканэ крыша поехала на почве её личной жизни, но не думала, что услышу, как она решает, что я буду

делать в собственной жизни.

— Что? — я нервно усмехаюсь, смотря на неё таким же прожигающим взглядом.

— Ты почти взрослая женщина. Тебе нужно родить ребёнка. Иначе мне будет стыдно появляться в кругу своих подруг.

После того, что она сказала, между нами на некоторое время повисает тишина. Это она сейчас вообще говорила или мне всё снится? Я моргаю, смотря на неё и пытаясь поверить в реальность, потому что ощущение, что я снимаюсь в какой-то чёрной комедии.

— Что? Ты себя слышишь?

— Ты женщина и мать своего будущего ребёнка, а мне нужны внуки, — говорит Аканэ со всей серьёзностью.

Мне хочется смеяться на весь дом от её слов, потому что это грёбаный абсурд.

— Какой ещё будущий ребёнок? Мне восемнадцать лет, и я заканчиваю школу, а потом поступаю в университет на врача.

— В университет ты ещё успеешь поступить, сначала подари своей матери внуков. Это несложно, я ведь тебя родила.

Аканэ говорит это таким тоном, будто мне настолько просто лечь с кем-то в кровать.

— В противном случае я тебя выгоню из дома, и делай, что хочешь, хоть телом торгуй, чтобы получить деньги на жизнь.

Эти её громкие слова заставляют моё сердце сделать сильный удар, а мой рот раскрывается в ещё большем удивлении. Аканэ в прямом смысле сказала о том, что я могу стать проституткой, чтобы выжить.

— Аканэ, у меня ощущение, что один из твоих бывших мужиков приложил тебя головой к стене и теперь крыша съехала…

Она резко и сильно бьёт меня по щеке.

— Какую ещё грязь матери скажешь?!

Я застываю на месте, не зная, что мне делать и говорить.

— Тебе ведь всё равно пришлось бы когда-нибудь выходить замуж и рожать. Все женщины так делают до тридцати лет. Чем раньше, тем лучше, Исанами.

— Ты в курсе, что ты вмешиваешься в мою собственную жизнь, чтобы перестать чувствовать себя неполноценной? — спрашиваю я, чувствуя, как левая щека горит от боли.

— Я не вмешиваюсь, Иса. Я советую тебе, как лучше, потому что твоё образование подождёт. Внуки мне важнее.

— С кем я, по-твоему, должна лечь в грёбаную кровать, чтобы забеременеть?! — я едва не срываюсь на ругань.

— С любым парнем, который тебе нравится и с которым ты хочешь семью. Тебе ведь по-любому кто-то нравится. Иначе и быть не может. Всем женщинам нравится какой-нибудь мужчина. Это природа, в нас заложено такое.

Я делаю шаг в сторону, находясь в уличной обуви и верхней одежде, но Аканэ грубо хватает меня за левую руку.

— Куда собралась? Мы не договорили!

Сердце бешено стучит, в горле ком, и к глазам подступают слёзы. Господи, я ненавижу плакать, ведь эта стерва всё равно меня не поймёт.

— Просто роди ребёнка. Потом будет университет и всё остальное. Я помогу тебе со всем и никуда не денусь. В конце концов я твоя мать.

В моём теле начинается лёгкая дрожь, потому что мне страшно. Мне восемнадцать лет, и я совсем не пойму, как я могу воспитать ребёнка, чтобы в будущем он не захотел меня собственноручно убить из-за того, что я глыба льда.

— Иса, я с кем разговариваю? — снова строго спрашивает она. — Если ты боишься, просто попроси какого-нибудь мальчика показать тебе, как это делается. Просто попробуйте вдвоём, чтобы ты имела представление. Мальчики всё это хорошо знают, и больно тебе не будет, если ты попросишь быть с тобой нежным.

— Ты сумасшедшая, Аканэ.

Я дёргаю рукой, чтобы она отстала от меня. Дальше я просто иду на поводу своих эмоций, потому что я не слышу эти её визги. Разувшись, я вешаю зимнюю куртку на крючок и быстрее ухожу, потому что перед глазами пелена.

***

Сейчас уже конец февраля, и всё это время Аканэ напоминала мне о моём «женском долге». Я пыталась её вразумить своим возрастом, ведь мне не двадцать пять, а чёрто-

вых восемнадцать лет, и я всё ещё подросток. Но всё без толку, потому что она угрожает мне выгоном из дома и пугает тем, что мне придётся зарабатывать на жизнь телом, так как другого выхода не будет.

Я и Нораё сидим и курим в парке на скамейке. Моя голова лежит на его левом плече. Я больше всего дружу лишь с ним, но всё ещё не рассказала о том, чего от меня хочет Аканэ. Психологически я совсем не готова к тому, чтобы «отдаваться процессу», хоть эти курицы в классе и говорят, что я девушка лёгкого поведения. Даже будучи подростком, я никогда не задумывалась о том, как могу назвать своего будущего сына или дочь, потому что не чувствую, что из меня получится хорошая мать. Рожать должны только те женщины, которые могут воспитывать детей.

— Ты последнее время какая-то грустная, Исанами. Тебя не узнать, — тихо говорит Нораё.

Поднеся сигарету к губам, я затягиваюсь.

— Всё будет хорошо. Ты ведь сдала экзамен, значит, и вступительные сдашь, — подбадривает он, не зная истинной причины.

— Есть кое-что, препятствующее моему будущему… — задумчиво говорю я, смотря перед собой.

— В смысле? Ты о чём? — непонимающим тоном спрашивает он.

— Моя мать.

— Что? Твоя мать? Она здесь при чём?

Поднявшись с его плеча, я сажусь нормально и смотрю на него.

— Мать говорит мне побыстрее вступить в отношения и родить ребёнка, — признаюсь я.

Глаза Нораё округляются. Да, так и есть.

— Нет… Я понимаю, конечно… У всех свои ценности, но тебе ведь только восемнадцать… Твой день рождения только в марте будет…

— Она угрожает мне выгоном из дома. Говорит, что я буду торговать телом, чтобы заработать на еду.

Нораё тут же притягивает меня к себе и крепко обнимает одной рукой.

— Всё будет в порядке. Никто тебя не выгонит, — ласково говорит он.

Его слова меня настораживают, а не успокаивают.

— Каким образом, если я не собираюсь ложиться в кровать и, тем более, рожать?

— Я покажу тебе, Исанами. Всё будет хорошо.

Его слова заставляют меня замереть на месте, а внутри всё сжимается от напряжения. Он на полном серьёзе собрался… учить меня?

— Что такое, Исанами? Ты резко напряглась, — его голос звучит у моего уха.

От страха моё сердце забилось чаще, потому что… я не хочу этого и… Нораё совсем меня не понимает. А мы ведь близкие друзья. Что за бред?

Я поджимаю губы, потому что не знаю, что ему отвечать. Я понимаю, что в каком-то смысле он хочет мне помочь, но я думала, что это будет совершенно не так.

Я отстраняюсь от него, но из-за страха внутри мыслями я улетаю куда-то очень далеко и перестаю чувствовать, что сижу на скамейке.

— Исанами… Ты вся бледная… — с волнением говорит он и касается моей щеки.

Только сейчас я ощутила, что весь мир против меня и я не могу с этим ничего сделать.

***

Сара

Скоро сдавать вступительные испытания в университет, хотя я ещё не решила, кем хочу стать. Выбор был между учительницей и воспитательницей в детском саду, потому что я люблю детей.

Школа наконец окончена. Всем классом мы решили отпраздновать выпуск в загородном доме, и я наконец признаюсь в одной вещи, которая мучает меня уже очень долго.

Я сижу со своими подругами на чёрном диване на первом этаже, пока из магнитофона играет разная поп-музыка. Атмосфера почти как в ночном клубе, потому что одноклассники танцуют, выпивают и разговаривают кто о чём.

На мне надето синее платье с пышной юбкой до колен и вставкой на груди, вместо обычной ткани на плечах. Хоть

парни и принесли довольно много алкоголя, я пью из одного бокала уже полчаса, так как никогда не считала, что напиваться до потери сознания — это очень круто, а ведь некоторые одноклассники уже нетрезвые.

В силу своего характера и менталитета я более общительная, чем другие девушки моего класса. За февраль и март я заметила, что Исанами сильно замкнулась в себе и у неё больше нет этой рассеянности и свободолюбия. Мы стали реже общаться, и я не поняла, что произошло, поэтому спросила у неё, но она проигнорировала меня. Я чувствую, что что-то случилось, однако вытащить информацию из неё не могу. Думаю, если она захочет, то сама всё выложит.

Так как я устала от шума музыки и пьяных голосов одноклассников, то беру свою синюю лаковую сумку и встаю с дивана и выхожу на улицу. Хорошо, что меня никто не стал останавливать.

Сейчас только ветер и вечерняя прохлада, а звуки музыки и пьяные голоса остались где-то на фоне. Мои волосы приятно развеваются на ветру, и я устало улыбаюсь, потому что уже хочу домой.

Повернув голову направо, я вижу Шинджу-куна, который в строгом сером сидит на скамейке, стоящей на крыльце дома. Он пьёт вино из бокала, задумчиво смотря вдаль. Шинджу-кун довольно интровертный, и из нашего класса он общался только с двумя парнями, потому что очень много учился для поступления на факультет бизнеса.

Но, Шинджу-кун, читал ли ты моё признание? Я произношу это у себя в голове, смотря на него, потому что не знаю, как озвучить свои чувства.

Внезапно он поворачивает голову в мою сторону и слегка удивляется. Я же немного смущаюсь и сразу отвожу взгляд.

— Сара-чан?

— Привет, Шинджу-кун. Ты, как всегда, один сидишь, — я не смогла не улыбнуться.

— Почему ты не с подругами? — его взгляд снова стал холодным.

Цокая каблуками по крыльцу, я подхожу ближе к скамейке.

— Устала от всего этого шума. Спокойствия хочу, — говорю я, выдохнув.

— Понимаю. Тоже, если честно, устал от всей суеты перед поступлением. Хоть и много учусь, но как же хочется просто отдохнуть и забыть про слово «учёба».

Со своим недопитым вином в бокале я становлюсь почти перед ним.

— Так давай же уедем отсюда прямо сейчас, Шинджу-кун, — улыбаясь, предлагаю я.

— Что? Ты о чём? — он сдвигает брови.

— Мы оба хотим спокойствия, а не всей этой суеты.

— Мы… уедем вдвоём? Куда, интересно? — Шинджу-кун смотрит на меня, как любопытный котёнок.

— Я знаю одно место, где мы можем побыть вдвоём и про-

сто поговорить о чём захочешь. Как тебе такое?

Он смотрит на меня, не поняв, о чём я сказала.

— Хорошо, давай, — уголок его губ дрогнул лишь на чуть-чуть.

Отойдя от него, я ставлю свой бокал на кремовый столик около скамейки, и Шинджу-кун делает то же самое.

Мы отходим от скамейки. Он первым идёт к лестнице у крыльца. Я не знаю, почему я внезапно повернула голову налево. В стеклянных дверях я вижу удивлённое лицо Исанами и грусть в глазах Сэиджи-куна. Не понимаю, что я такого сделала, чтобы так смотреть на меня. Подняв брови, я быстро смотрю на них с вопросом в глазах, а потом отворачиваюсь. Мы действительно поедем в одно место, которое не для лишних глаз.

Спустившись с лестницы, мы идём направо к машинам, на которых приехали сюда. Хорошо, что Шинджу-кун идёт впереди меня, иначе он бы видел мою лучезарную улыбку. Мы поедем не в просто тихое место, мы поедем в один отель, где можно снять номер на одну ночь и нам правда больше никто не нужен.

Почти дойдя до машин, я вижу, как Шинджу-кун идёт в сторону белой, но я не знаю, какой она марки.

— Это моя машина, — объявляет он.

— Хорошо.

Шинджу-кун первым садится, на что я просто киваю, так как думала, что он, как истинный джентльмен, откроет даме

дверь.

Я сажусь на первое сиденье, пока внутри нарастает волнение. Мне тяжело сдерживать улыбку, потому что я правда хочу быть с ним, но… я не знаю, что он думает про меня.

— Сара-чан, куда мы едем? — я чувствую, как он посмотрел на меня.

— В один отель.

— Отель? Что ж… Хорошо…

— Давай опустим формальность, Шинджу? — внезапно вылетает у меня.

— Хорошо… Сара.

Спустя время

Мы доехали до хорошего отеля, где я была со своими родителями, так что я знаю это место.

Зайдя в небольшое здание, я сразу иду к стойке администратора.

— Здравствуйте, нам нужен двухместный номер на одну ночь.

Дама в офисной форме любезно даёт мне ключ, а я ей десять тысяч иен наличными. Развернувшись к Шинджу, я показываю ему ключ от двенадцатой комнаты на втором этаже.

Мы поднимаемся по лестнице, идём по коридору, и я открываю дверь нашей комнаты. Внутри бежевые стены, маленький холодильник, кондиционер, большая кровать, серый телевизор, шкаф из тёмного дерева и две тумбы по бокам от кровати, на одной из которых стоит лампа.

Зайдя в номер, я сажусь на кровать и кладу сумку рядом с собой. Теперь-то тишина, и никто нам не помешает.

— Здесь так спокойно… — Шинджу расхаживает по комнате. — Только вот ощущение, что мы сделали что-то неправильное, просто уехав ото всех.

Я усмехаюсь.

— Неправильное? Мы имеем право уехать отдохнуть. Нам ведь восемнадцать.

— Что мы будем обсуждать, Сара? — он прислоняется спиной к стене справа от меня и скрещивает руки на груди.

В глазах Шинджу снова тот же холод. Как же мне сломать твои стены, чтобы ты посмотрел на меня как на женщину, а не на девочку?

— Что захочешь, Шинджу… Но я первая.

В его глазах сразу же мелькнул интерес.

— Ты читал то, что я написала тебе? — спросив это, я отвожу взгляд в смущении.

— Розовая записка.

— Да, Шинджу. Именно она.

— Читал.

— Так что же ты думаешь обо мне на самом деле?

Я очень сильно нервничаю, поскольку переживаю, что всё сорвётся. Я готовилась к этому психологически и надеюсь, что он тоже хочет, а не только я.

— Ты правда думаешь, что я не понял, для чего всё это?

Удивившись, я снова смотрю на него и вижу, как его

взгляд резко изменился. В его глазах нет холода, в его глазах теперь азарт и интерес. Это будто не тот холодный отличник Игараши Шинджу, это какой-то совсем другой парень, которого я не знаю.

Шинджу медленно подошёл ко мне.

— Если бы я не чувствовал того же, я бы попросту не поехал, — он ухмыляется.

Мне интересно, что он хочет со мной здесь сделать, поэтому я встаю с кровати и становлюсь перед ним.

— Я взрослый парень, и я в самом начале догадался, куда мы едем, Сара.

Он перехватил инициативу очень быстро, и теперь это я должна слушаться, а не он. С удовольствием, Шинджу.

— И что же мы будем делать? — спрашиваю я, не заметив, что стала дышать глубже.

Он резко притягивает меня к себе за талию. Теперь я чувствую Шинджу и вижу, как его глаза темнеют. Его рука легла мне на затылок, а большой палец поглаживает левую щёку. Я хочу, чтобы он поцеловал меня и у нас всё получилось.

Шинджу не сдерживается и впивается мне в губы со всей страстью. Я чувствую, как внутри всё разгорается от желания, потому что я хочу его.

Обвив его шею руками, я притягиваю его к себе сильнее и запускаю пальцы в его волосы. Язык Шинджу резко скользит мне в рот, отчего мои ноги подкашиваются и из меня вырывается стон.

Внезапно он почему-то отрывается от моих губ, и я смотрю на него с вопросом в глазах.

— Сними уже своё платье, я хочу тебя.

***

2004 год

Я чертовски пожалела о том дне, когда мы с Шинджу уединились в отеле. Тест на беременность показал две полоски, и будучи молодой восемнадцатилетней девушкой, которая должна была сдавать вступительные в университет, я не знала, куда себя деть.

Когда мы занимались этим с ним, я чувствовала себя взрослой женщиной, но потом поняла, что я маленькая девочка, которая не знает, на что обрекла себя.

О будущей студенческой жизни пришлось забыть, потому что мне нужно было родить малыша. Родители настаивали на аборте, так как я слишком молода и у меня нет вообще ничего. Но я решила взять ответственность за своего сына и родила его. Не знаю, как, но я попробую воспитать мальчика так, как смогу.

Любовь моей жизни — Игараши Шинджу — был взбешён тем, что я забеременела, хотя виноват в первую очередь он, потому что я думала, все подростки уже в шестнадцать знают, как делаются дети. Он сказал, что будет поступать в университет и «этот чёртов ребёнок» ему не нужен, но нам пришлось породниться и стать мужем и женой в восемнадцать лет. Вся любовь, страсть и чувства разом пропали, и

мы больше стали похожи на двух чужих людей, а не на семью. Его родители купили для нас дом, куда нам пришлось переехать и жить вместе, хоть мы даже привычки и быт друг друга не знаем.

Мне пришлось воспитывать ребёнка в полном одиночестве, потому что Шинджу было глубоко наплевать на свою плоть и кровь. Будучи матерью и его первой любовью, мне было чертовски обидно чувствовать на себе весь его холод и отстранённость. Но, с другой стороны, я понимаю его, ведь в его планы точно не входило создавать семью в таком раннем возрасте, потому что семьи создают, когда есть хорошая работа, жильё и человек, в котором ты уверена.

Моему черноволосому мальчику Рэнджи в декабре две тысячи третьего года исполнилось три года, а мне уже двадцать один, и я всё ещё нигде не учусь, потому что нет такой возможности. Рэнджи спросил меня о Шинджу, на что я ответила очень уклончиво, потому что наши отношения оставались всё такими же холодными, словно это не он отец.

Я сижу в гостиной перед телевизором и параллельно слежу, чтобы Рэнджи не натворил дел. Внезапно раздаётся телефонный звонок, а звонят нам только родители, поэтому я иду к телефону в очередной раз. Сняв трубку стационарного серого телефона, я прикладываю её к правому уху.

— Это Сара, я слушаю.

— А это Исанами.

Услышав это имя, я очень сильно удивилась, ведь после

школы мы перестали держать любой контакт. Я слышу, как Исанами хмыкнула в трубку.

— Исанами?.. Боже… Добрый день… Я очень рада, что ты позвонила, — радостно говорю я, не скрывая улыбки.

— Да, добрый день… Хотя добрый он, наверное, только у тебя, — она отвечает таким странным тоном, что мне становится не по себе. — Я слышала, ты забеременела. Это правда? Или опять одноклассницы разнесли сплетни?

Глядя в одну точку, я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Да… Это правда… Я родила сына и назвала его Рэнджи.

— Ого, — громко восклицает она. — И как жизнь молодой мамочки с отличником класса?

В груди колет, потому что жизнь ужасная, и худшего я представить не могла.

— Терпимо.

— Значит, плохо, — Исанами усмехается.

Хоть её тон мне и неприятен, она чертовски права.

— Кстати, я тоже забеременела. Но, похоже, раньше тебя.

От этой внезапной новости меня будто обливает холодной водой, потому что я замерла на месте и вытаращила глаза.

— Что?.. Когда?..

— Перед выпускным. Я родила девочку. Её зовут Мицуки.

— Поздравляю с этим! — я улыбаюсь. — А кто же отец ребёнка?

— Нашла с чем поздравлять, — Исанами внезапно ругается. — Ито Нораё.

Из-за её ругательства я замираю на месте от испуга, потому что Исанами разговаривает так, словно её жизнь испорчена.

— Вы любите друг друга?.. — очень тихо спрашиваю я.

— Не знаю. Нет.

Я сглатываю, потому что ситуации очень похожи. Хоть Шинджу мой муж и отец Рэнджи, мы не любим друг друга, а просто сожительствуем.

— А откуда же тогда взялась ваша дочь, если вы не любили друг друга? — мне страшно, но я спрашиваю, сильнее сжимая трубку пальцами.

— А это мать моя — Аканэ. Она настояла на создании семьи, — Исанами усмехается.

Сейчас я поняла, что её ситуация ещё хуже, чем моя. Нет ничего ужаснее, чем когда собственная мать на тебя давит.

— Есть идея… — начинаю я, — давай познакомим детей друг с другом.

— Хорошая идея, — она снова смеётся, а я не понимаю, почему ей так весело.

— Ты сможешь сейчас приехать с Мицуки к нам?

— Давай, говори адрес.

Я сказала Исанами наш адрес.

— Ясно, ждите, — сухо отвечает она.

***

В дверь раздался звонок. Сидящий на полу и играющий с кубиками Рэнджи тут же обратил своё детское внимание на дверь, и я вместе с ним. Подойдя к двери, я открыла обеим гостьям.

Исанами и её маленькая дочь Мицуки зашли в наш дом. Мне сразу же захотелось обнять школьную подругу, но увидев её странное состояние, я была озадачена. В школе Исанами была ухоженной, а сейчас ей столько же, сколько и мне, только вот выглядит она так, будто ей больше тридцати.

Её тёмно-коричневые волосы с неровной чёлкой были жирными, будто она перестала заботиться о своей внешности. На ней был серый кардиган и белое платье до колен. В нос сразу ударил запах пота, потому что Исанами выглядит очень плохо.

Её же дочь, наоборот, похожа на живую куклу. Мицуки — красивый ребёнок с такими же тёмными волосами до плеч и чёлкой, но видно, что она не расчёсана. Девочка посмотрела сначала на меня, потом на Исанами, а потом начала внимательно разглядывать гостиную нашего дома. Она одета в розовое платье на тонких лямках, белую блузку снизу и маленькие детские серые кроссовки. В её левой ручке черноволосая кукла в сером платье.

— Это моя дочь, — говорит Исанами, глядя куда-то в сторону.

Я опускаюсь на один уровень с Мицуки и ласково смотрю на неё, а она без эмоций в глазах смотрит на меня в ответ.

— Меня зовут Сара. Я школьная подруга твоей мамы, — я беру малышку за левый локоть.

Мицуки не улыбается и не говорит ничего в ответ, а просто смотрит на меня. Видимо, дочь Исанами вовсе необщительная.

Я поднимаюсь на ноги. Наверное, мы с ней попьём чай, хоть от неё и ужасно пахнет.

— А сын твой где? Хоть посмотреть, кого ты родила, — говорит она развязным тоном.

Я отхожу в сторону, поскольку Рэнджи сидит у дивана за моей спиной.

— Это твой Рэнджи? — Исанами ухмыляется.

— Да… Есть идея. Давай попьём чай, пусть дети пообщаются.

— Ладно.

Дети

Исанами подводит дочь к мальчику-брюнету Рэнджи, одетому в детский синий комбинезон и белую рубашку под низ. Сара видит, как дети смотрят друг на друга с любопытством, хотя в глазах Мицуки не так уж и много эмоций при виде мальчика.

Обе девушки уходят на кухню, оставляя детей вместе.

— Рэнджи, — представляется мальчик.

— Ми… Цуки… — тихо и с неловкостью говорит девоч-

ка.

— Мицуки. Цуки, — Рэнджи слегка улыбается.

— Да.

Увлечённый детскими кубиками Рэнджи внезапно бросает их и засматривается на куклу в руке Мицуки. Указательным пальцем правой ручки он показывает на куклу.

Мицуки, стоящая просто так, переводит взгляд вниз и налево. Рэнджи хочет куклу? Она протягивает ему игрушку. Мальчик тут же забирает её из ручки Мицуки. Он с любопытством осматривает и по-разному вертит куклу.

— Её зовут Рэна. Мне папа подарил. Я с ней всё время разговариваю, это моя подруга. Она знает всё.

Рэнджи бросает на Мицуки лишь мимолётный взгляд и вновь продолжает разглядывать куклу. Правой ручкой он обхватывает голову куклы, а другой её ноги.

Внезапно глаза Мицуки широко распахиваются, потому что… Рэнджи оторвал кукле голову. Из глаз девочки сразу же полились слёзы.

— Мама, мама! Он сломал её! Мама!

Сара

Нашу беседу прерывает крик малышки Мицуки. Вынужденно встав из-за стола, мы с Исанами идём к детям, и краем глаза я вижу злость в её глазах.

Я подбегаю к детям. Рэнджи держит в руках тело куклы и

её голову, только у него удивлённый взгляд. Он не напуган её криками и слезами.

— Твою куклу можно починить. Это нестрашно, Мицуки, — спокойно говорю ей я.

— Ты не умеешь воспитывать детей, Сара. Твой сын уже показывает признаки какого-то социопата. Он обидел мою дочь. Скольких девочек он ещё обидит в будущем? Научись воспитывать детей… подружка.

Исанами не говорит, она буквально выплёвывает слово «подружка». Смотря на Рэнджи, я вижу в его глазах непонимание. Он не сделал что-то плохое, он ведь просто ребёнок, и я в любом случае ему скажу не ломать чужие вещи.

— Больше не зови нас к себе. Мы не придём, а то ещё что-нибудь не то сделает.

Исанами буквально дёргает Мицуки с места. Девочка плачет, а моей подруге… всё равно? Рэнджи тоже ничего не понимает и просто сидит с куклой в руках.

Она уходит со своей дочерью, громко хлопнув дверью, что я аж вздрагиваю.

***

2009 год

В этом году Рэнджи исполнится девять, мой милый сын уже взрослый и ходит в школу. Мне удалось сблизиться с мужем, но всё всё так же между нами ничего нет, и я всё больше понимаю, что не нравлюсь ему как женщина, но мы остаёмся в браке, не понимая почему. Я думаю, что мы оба хотим

обсудить вопрос развода, но не знаем, как об этом сказать восьмилетнему Рэнджи, всё-таки он ещё ребёнок.

Помимо отсутствия любви между нами, с февраля этого года меня кто-то преследует. Когда Рэнджи был в школе, а Шинджу на работе, в дверь позвонили, что для меня было странным. Открыв дверь, на пороге я обнаружила чёрный подарочный пакет. Именно чёрный, а не, например, синий или красный. Всю жизнь чёрный цвет ассоциировался у меня с похоронами, поэтому меня это сильно напугало.

Я посмотрела, что в пакете. Коробка чёрных лаковых туфлей на каблуках и… записка, написанная довольно аккуратно.

«Тот мужчина, который по-настоящему тебя любит»

Это меня не просто озадачило, меня это до ужаса напугало, потому что всю взрослую жизнь я думала, что преследование меня никогда не коснётся. Несмотря на своё любопытство, я не стала примерять туфли, иначе это было бы предательством самой себя, и Шинджу или Рэнджи спросили бы, откуда у меня они.

Я тут же убрала туфли обратно в коробку и закинула их в отдел шкафа, где Шинджу бы их не нашёл.

Я понятия не имела, что мне делать в такой ситуации, поэтому думала о том, кто этот странный тип. Он написал, что по-настоящему меня любит. Но кто этот мужчина, которого я никогда не встречала?

Он приносил к нашим дверям и другие вещи: платье, би-

жутерию, даже краску для волос. Я спрашивала у соседей, видели ли они кого-то подозрительного у дверей нашего дома, на что они ответили, что никого не было.

Мне требовалась защита, потому что я не знала, на что способен этот человек, учитывая, что я всё ещё замужем и он, похоже, не знал, что у меня есть ребёнок.

Шинджу только что пришёл домой с работы, поэтому мне нужно поговорить с ним по этому поводу. Пока он разувается, я подхожу к нему.

— Мне нужна твоя помощь, — говорю я со своей серьёзностью, чтобы он воспринял это.

— Слушаю.

— Какой-то незнакомый мужчина присылает мне подарки под нашу дверь и говорит, что любит меня.

Шинджу смотрит на меня и протяжно вздыхает.

— И что ты хочешь от меня? — его тон полон нежелания разбираться в ситуации.

— Твой друг работает в полиции. Скажи ему как-то разобраться с этим, — скрестив руки на груди, я выгибаю бровь.

— Ты так на меня смотришь, будто думаешь, что мне есть дело до твоих чувств, Сара.

— Так или иначе, мы давно женаты, и у нас есть ребёнок, о котором ты даже вспоминать не хочешь, — отвечаю я ровным тоном, потому что скандалы не меняют его.

Шинджу лениво кивает, даже не слушая, что я говорю.

— Он тебя по-настоящему любит, Сара. Не это ли тебе

нужно всю жизнь от меня? — он неприятно усмехается.

Он меня раздражает, но сделать я ничего не могу, потому что ему всё равно.

— Восемь лет назад ты завяла, потому что я не даю тебе то, что ты хочешь. Но меня тоже понять можно, дорогая жена, потому что ты просто первая любовь. Это чувство уходит так же быстро, как и приходит. Или, когда тебе было восемнадцать, ты думала, что у нас будет настоящая семья?

Шинджу любит доводить меня до слёз, и сейчас, стоя перед ним, в горле снова ком эмоций.

— Я прошу тебя не о любви, я прошу элементарной защиты, ведь ты глава нашей семьи, Игараши.

— Сам впервые слышу, что я, оказывается, глава этой семейки. Интересно было узнать, — он улыбается уголком губ.

— В чём сложность просто сказать ему, что меня кто-то преследует? — я становлюсь прямо рядом с ним, чтобы он перестал игнорировать.

— Сара. Почему это должно быть моей проблемой? — спрашивает Шинджу с ноткой злости.

— Потому что у нас есть сын! — я больше не сдерживаю эмоции. — Тебе на него глубоко наплевать, и воспитываю Рэнджи только я! Я уже боюсь по улице ходить, потому что думаю о том, что за мной постоянно следят! Если со мной что-то случится, что будет с ним?!

— Полегчало, милая? — издевательски спрашивает он.

У Шинджу нет сочувствия, на его лице лишь усмешка.

Ему смешно с моей реакции, когда мне до ужаса страшно. Смотря на него, я стараюсь не заплакать.

— Ты мне уже давно никто. Статус моей жены остаётся лишь по документам. Мне плевать на тебя и твои чувства. Я не буду помогать тем людям, к которым ничего не чувствую.

От этих слов внутри всё сдавливает от несправедливости и глубокой обиды. Из глаз текут слёзы, потому что я не выдерживаю такого наплевательского отношения.

— Тебе плевать на меня, но подумай хотя бы о ребёнке, будущее которого неизвестно с таким отцом, — говорю я сквозь слёзы и убегаю.

***

Последнее время мне ещё хуже, чем раньше. Кажется, я медленно впадаю в депрессию. Я одна воспитываю Рэнджи и делаю с ним уроки, совершенно забыв, что восемь лет назад хотела учиться в университете. Рэнджи спрашивает меня, почему Шинджу не подарил ему ни одного подарка, ведь он его отец, но я отвечаю очень уклончиво. Рэнджи, будучи восьмилетним ребёнком, уже считает, что должен сражаться за внимание отца. Он думает, что, если будет стараться в школе, отец подарит ему компьютерную игру. Знал бы мой сын, что я тоже сражалась за внимание Шинджу, когда только родила. И что у меня тоже ничего не получилось и пришлось жить так, как мы живём сейчас.

Хоть я и помню, что меня всё ещё преследует тот мужчина, я иду по тёмной улице одна, потому что психологиче-

ски устала от нахождения в своём же доме. Все эти годы мне не хватало обычных прогулок с подругами. Они тогда учились в университете и где-то подрабатывали, а всё это прошло мимо меня из-за материнства. Я не виню Рэнджи в том, как проходит моя жизнь, потому что обстоятельства так сложились. Будучи такой молодой, нужно было в тот день просто позвонить родителям, и они забрали бы меня на машине. Тогда бы этой «семейной» жизни сейчас не было.

Я иду в розовом плаще по тёмной весенней улице, и слёзы опять подступают к глазам. Я абсолютно одна.

Внезапно кто-то обхватывает мою талию одной рукой, прижимает спиной к груди и прикладывает к носу какую-то тряпку. Я вдыхаю раствор, заставляющий меня заснуть, потому что всё тело тяжелеет и ноги подкашиваются.

Я знала, что со мной что-то случится. Но не знала, когда…

Спустя некоторое время

Я медленно открываю глаза и вижу перед собой потолок. Здесь нет света. Мои руки чем-то связаны, и я сижу на стуле. Я чувствую, что я в одежде, значит, тот, кто похитил меня, не насиловал меня, и это главное. Однако мой рот не завязан, что очень странно.

Оглянувшись, я вижу, что это обычная маленькая комната. Этот человек явно небогат. Передо мной кровать, а слева от неё тумбочка. Посмотрев налево, я вижу, что похититель занавесил окно, потому что свет сюда не пробивается.

Внезапно дверь открывается, отчего я вздрагиваю. По-

смотрев направо, я вижу мужчину примерно моего возраста. Он в толстовке и домашних штанах.

— Проснулась, красавица?

Да откуда, чёрт возьми, этот придурок меня знает?!

Он наконец-то включает свет, и я замираю с распахнутыми глазами. Накаяма Сэиджи. Мой одноклассник…

— Сэиджи, ты… Зачем ты…

Я не могу поверить в реальность происходящего, поэтому сижу с раскрытым ртом. Видимо, в тихом омуте и правда черти водятся. Этим человеком оказался он. Накаяма Сэиджи был влюблён в меня… со школы?

— Да, Сара-чан. Им был я. Им всегда был я и буду.

Подойдя ко мне, он сел передо мной на кровать.

— Красивые, молодые и богатые ведь всегда с себе подобными, потому что бедняки для вас как насекомые. Вы всегда топчите их ногами, ведь заботитесь лишь о самих себе.

Глядя на Сэиджи, я не знаю, что думать.

— С самой школы я любил только тебя, но тебе всегда было плевать. Ты не смотрела в мою сторону, ты смотрела в сторону того, кому ты никогда не была нужна. Шинджу всегда заботила лишь собственная персона. Ему никогда не было дела до кого-то ещё.

— Ты правда думаешь, что этими никому ненужными подарками ты смог бы завоевать мою любовь, когда всё это выглядело предельно жутко?..

Вдруг Сэиджи засмеялся.

— Я написал тебе записку, что по-настоящему люблю тебя.

— Ты думаешь, я сумасшедшая? — я рявкаю. — Я никогда не буду интересоваться человеком, который оставляет под моей дверью разные подарки, а потом ещё и похищает меня!

— Для этого ты здесь и сидишь, Сара-чан, — он прикасается к моей левой щеке, а я подаюсь вправо.

— Что тебе надо от меня, Сэиджи?!

— Ничего особого.

Сэиджи внезапно притягивает меня к себе за край плаща. Я чувствую его дыхание на губах, потому что наши лица в сантиметрах.

— Зачем ты это делаешь?.. Ты ведь даже не знаешь, что у меня есть ребёнок.

— Ребёнок? Вы даже потрахаться успели, пока никто не видел?

Мне мерзко от его слов, но он сказал абсолютную правду.

— Я люблю тебя, Сара, поэтому я тебя не раздел и не связал. Ты мне важна, и я не идиот.

— Я не могу ответить на твои чувства, Сэиджи, — говоря это, я смотрю ему в глаза.

— Конечно, не можешь. Мне бы тогда пришлось насильно тебя у себя дома держать. Но я знаю, почему не можешь ответить.

Я смотрю на него, не зная, что мне вообще отвечать.

— Он в твоих мыслях. Ты привязана к нему и любишь его. Даже если он не любит тебя, ты утешаешь себя чувствами к нему.

Сэиджи как скальпелем вскрыл мою больную тему.

— Я знаю, что прав, — он улыбается.

Мой взгляд сразу пустеет, и слёзы так и норовят снова потечь. Отведя взгляд в сторону, я смотрю в пустоту, потому что это чистейшая правда. Я люблю Шинджу, даже если он не любит меня, поэтому остаюсь его женой и просто терплю, надеясь, что он сможет меня полюбить второй раз. Но я знаю, что этого не будет, потому что беременность сломала всю страсть.

— Но я знаю, как тебе помочь, Морита, — воодушевлённо предлагает Сэиджи.

— О чём ты? — я снова перевожу на него взгляд.

— Я могу тебя спасти, и я знаю, что тебе это понравится.

Я смотрю на него в непонимании. Внезапно его губы накрывают мои. Зачем он, чёрт побери, поцеловал меня?..

Я хочу отстраниться, но не могу, потому что не знаю, что сейчас чувствую. Так же внезапно я слышу, как он достал что-то откуда-то, а потом я чувствую… дуло пистолета на левом виске.

Не успев понять, что вообще произошло, меня полностью отключает.

***

2015 год

Мицуки

Мне четырнадцать лет, и я учусь в средней школе. Хоть я и ещё ребёнок, я уже поняла на себе всю боль и агрессию своей матери Исанами. Я так никому и не рассказала, что мать меня фактически ненавидит за существование, потому что, когда она была молодой, то не смогла пойти в университет из-за давления бабушки по поводу моего рождения. В школе мне приходится делать вид, что я из хорошей полной семьи, потому что всё это неправда. Мой отец — Ито Нораё — защищал меня от моей же матери, чтобы она перестала меня бить и ругать при каждом удобном случае.

Мать сильно злоупотребляет алкоголем, из-за чего в нашем доме везде раскиданы пустые бутылки. Когда она напивается сверх нормы, в мою сторону опять летит град оскорблений, потому что я порчу ей жизнь тем, что просто существую. Порой она даже портила мою одежду, которая была куплена бабушкой Аканэ. Поскольку эти оскорбления никогда не заканчиваются, я привыкла к её эмоциональной реакции и принимаю это как норму. Да, я ошибка, дрянь, стерва, значит, так оно и должно быть.

Когда мне было десять, мой отец бесследно пропал, будто его никогда и не существовало. В тот день я поняла, что осталась один на один со своей глубоко несчастной матерью. Но я всего лишь ребёнок и никак не смогу поддержать её, потому что она мне просто не даёт это сделать и я учусь в

школе.

Поскольку мать меня ещё и била, мне приходится скрывать эту кучу синяков, лишь бы никто из учителей не узнал, какой ужас творится у нас дома. И мне пришлось к этому привыкнуть, потому что я не хочу никаких проблем.

Сейчас перемена, и я сижу в коридоре, читая книгу. У меня длинные тёмно-коричневые волосы и чёлка. Всё это время, пока мои волосы росли, я поняла, что они меня раздражают и я очень хочу стрижку каре, но тогда придётся просить денег у бабушки Аканэ, потому что матери на подработке платят не так уж и много. Ей хватает покрыть только базовые расходы, как еда и счета.

Я учусь в одном классе с тем самым мальчиком, с которым познакомилась ещё в детстве. Его зовут Игараши Рэнджи. Его успеваемость в классе была лучше моей, но со временем он начал получать плохие оценки. Я видела, как жизнь и детская радость покидают его глаза. Мне всегда было интересно, что такого случилось у него, что он настолько изменился и его действия стали почти автоматизированными, но я не хотела лезть к нему, потому что мы не общались и это просто не моё дело.

Несмотря на мой интерес к тому, что с ним происходит, Рэнджи-кун для меня фон, потому что есть один мальчик из другого класса, в которого я, кажется, влюблена, если это можно так назвать. Я не знаю, как ему в этом признаться, потому что не уверена в том, что чувствую, а с одноклас-

никами я мало общаюсь, поскольку они могут заметить синяки. У меня нет даже одной подруги, с которой я могла бы это обсудить.

Пока я жду звонка на следующий урок, то слышу шаги справа. Из своего любопытства я отвлекаюсь от книги и поворачиваю голову в ту сторону. Это Абэ Футоши, тот самый мальчик из другого класса нашего потока, который мне нравится. Оглянувшись, я понимаю, что сейчас очень хорошая возможность сказать ему о своих чувствах, поскольку все сидят в классе.

Я поднимаюсь с пола и направляюсь к нему вместе с книгой. Увидев меня, Футоши-сан сразу же сдвигает брови в непонимании. Никогда не видела, чтобы дети моего возраста так реагировали на то, что к ним идёт такой же школьник.

— Привет, Абэ-сан, — здороваюсь я и завожу руки за спину.

— Привет… Ты, кажется, Цуки? — слегка невежливо обращается он, усмехаясь и оглядывая меня снизу вверх.

От его интонации и усмешки внутри что-то рвётся, потому что как бы я ни хотела это признавать, тон мне неприятен.

— Меня зовут Мицуки, Абэ-сан, — я слегка улыбаюсь, чтобы разбавить обстановку.

— А… Мицуки-сан. Ясно, нужно будет запомнить, — он задумывается.

— Я знаю, что мы редко пересекаемся в школе, но мне нужно тебе кое-что сказать, — я подхожу ближе, надеясь,

что сильно не смущусь.

Футоши-сан засовывает руки в карманы и выгибает бровь, смотря на меня. Я не знаю, почему для меня такая поза выглядит как-то… высокомерно? Будто я недостойна даже его взгляда на меня.

— Интересно, что тебе нужно сказать мне, учитывая, что я правда почти тебя не знаю.

Я правда не знаю, как об этом говорить и с какой стороны зайти.

— Есть ли у тебя кто-то? — я отвожу взгляд, чтобы не смотреть ему прямо в глаза, потому что и так нервничаю.

— В каком смысле? — в его вопросе слышится ехидность.

Я думала, что Футоши-сан не поймёт, о чём я, и так было бы гораздо проще, но, похоже, он догадливее, чем мне казалось.

Сжимая пальцами книгу у себя за спиной, я понимаю, что мне нужно быть прямее, потому что он разговаривает точно так же.

— Есть ли на нашем потоке девочка, которая тебе нравится? — спрашиваю я, потому что боюсь, что он на самом деле кем-то занят.

Он снова ухмыляется, и в его глазах появляется недобрый азарт. Теперь уже Футоши-сан делает ко мне шаг, отчего я чувствую, как между нами резко сократилось расстояние, потому что мы стоим почти вплотную.

Мне не нравится, что он только что сделал, поэтому те-

перь я нервничаю уже из-за другого.

— Может, да, а, может, и нет, — он отвечает очень странно.

— В смысле?

— Ты спросила, я ответил, — он продолжает странно улыбаться.

— Ты неопределённо ответил, Абэ-сан, — я не знаю, почему сглатываю.

Стоя настолько близко рядом с ним, моё сердце сильно бьётся. Но не от волнения, а от страха. Я не знаю, почему мне страшно рядом со школьником моего возраста. Теперь я вообще жалею, что заговорила с ним. Надо было дальше страдать от неразделённой любви.

— Ты спросила это потому, что у тебя ко мне что-то есть, да? — в его тоне я слышу издёвку.

Футоши-сан так разговаривает, что мне теперь вообще не хочется ни в кого влюбляться. Я просто хочу дальше учиться и думать только об этом.

Я слегка киваю в знак согласия, смотря в сторону, потому что мне некомфортно на него смотреть.

— Как же там это делается… — выдаёт он.

Внезапно он хватает меня за левое предплечье и так же резко прижимает к стене, отчего я ощущаю боль, и моя книга вылетает из рук. Она прилетает на пол и открывается нараспашку. Усмехнувшись, Футоши-сан бросает быстрый взгляд на книгу и снова смотрит на меня. Видя перед собой его ли-

цо, внутри всё сжимается от страха. Он припечатывает стену слева у моей головы и наклоняется ко мне. Между нашими лицами теперь ещё меньше расстояния. Я хочу его оттолкнуть, но у меня не хватает на это смелости.

— Чёрт возьми. Заговорить со мной смелости хватило, а сейчас в глазах столько страха, словно с тобой что-то делать собрались.

Я чувствую, что сейчас заплачу, потому что я никак не могла предположить, что это признание в любви дойдёт до такого.

— Мицуки-сан, почему тебе страшно-то? Мы ведь одного возраста.

Я не знаю, что мне делать в такой ситуации, потому что меня всю сковало.

— Умеешь целоваться, Мицуки-сан? — спрашивает он и кладёт руку на мне затылок.

Мне становится до такой степени страшно, что я думаю обо всём, что придёт в голову, кроме ситуации, в которой сейчас нахожусь.

— Как мне тебя трогать, чтобы тебе понравилось? — его дыхание опаляет губы.

Внезапно он касается моих губ своими, и я вынуждена закрыть глаза. Я знаю, что должна как-то ответить на поцелуй, но я не хочу, поэтому жду чего-то, чего сама не знаю.

Футоши отстраняется на несколько сантиметров.

— И что же ты вся зажатая стоишь? Это была полностью

твоя инициатива, а не моя, бедность ходячая.

— Что мне сделать, Абэ-сан? — спрашиваю я дрожащим голосом, всё так же глядя в пустоту.

— Ты не умеешь целоваться. Мне стоит тебя научить.

Я становлюсь живой куклой, потому что не знаю, что мне делать. Футоши сжимает моё левое запястье и прижимает меня к стене за него. Он фиксирует меня в одном положении, чтобы… я не смогла уйти.

— Приоткрой губы, — говорит он со сталью в голосе.

Но я не реагирую на него, потому что теряю связь с реальностью.

— Приоткрой губы, Мицуки-сан, — строго обращается Футоши, делая акцент на моём имени.

Мне приходится слегка открыть рот, чтобы он просто отстал.

— Отлично.

Он резко впивается мне в губы, целуя по-настоящему. Это не нежно, это грубо и отвратительно. Он делает всё, чтобы я поцеловала его в ответ, но я не хочу и не буду это делать. Его язык касается моей нижней губы и норовит коснуться моего языка, но сразу после этого Футоши сам отстраняется.

— Вот и всё, Мицуки. Больше тебе ничего не получить, ходячая бедность. Богатые должны быть с богатыми, а бедные останутся в канаве, потому что им надо знать своё место.

Только когда он отошёл от меня, я почувствовала, что по щекам потекли слёзы. Мне просто отвратительно, и теперь я

больше никогда не позволю никому себя поцеловать. Будучи одной, реальность возвращается ко мне, и дыхание приходит в норму, хотя я всё ещё чувствую, как тело дрожит.

Хорошо, что я стою у стены, иначе, мне кажется, я упала бы на пол. Глубоко вдохнув, я выдыхаю и поднимаю глаза. Я застываю на месте, потому что вижу Рэнджи-куна. Между нами немало расстояния, поэтому я не могу разглядеть эмоции в его глазах, но точно вижу, что он удивлён тому, в каком я состоянии. Рэнджи-кун переводит взгляд на книгу, которая всё так же лежит на полу. Я тоже смотрю на неё, а потом снова на него. Он стоит на месте и не делает ни одного движения, чтобы поднять её с пола и отдать мне.

Я слышу звонок на урок, но мы оба смотрим друг на друга, и ничего больше не происходит. В душе закрадывается обида, потому что, если он всё видел, то почему ничего не сделал… Да, я знаю, что у него тоже какие-то проблемы, но мне можно было и помочь. Но потом я резко задумываюсь о том, что Рэнджи-кун не обязан мне помогать, ведь мы не общаемся. Я просто одноклассница, и ему нет никакого дела до меня, поэтому я отвожу взгляд.

Однако я чувствую себя одной и от этого поджимаю губы. Игараши Рэнджи возвращается в класс, потому что я слышу его топот. А у меня теперь травма, с которой мне нужно справляться самой.

***

Рэнджи

С исчезновения моей матери прошло шесть лет. Сейчас мне четырнадцать, а тогда было восемь. С того момента моя жизнь перевернулась на триста шестьдесят градусов, потому что от прежнего маленького меня мало что осталось.

Раньше я был активным и жизнерадостным ребёнком, но так на меня влияла только мать. Мне самому порой было легче забыть о существовании третьего человека в нашем доме — моего отца Игараши Шинджу. Он всегда пренебрегал мной и обращался как с вещью, но и к матери он относился точно так же. Его никогда не интересовало то, что мы чувствуем и думаем.

В такой обстановке любому было бы тяжело жить, а восьмилетнему мне ещё хуже, потому что я не совсем понимаю, какие поступки хорошие, а какие плохие. С детства мать учила меня заступаться за слабых, если какие-то плохие ребята пытаются им что-то сделать. Мой отец, наверное, тоже относится к «плохим», но за мою мать никто не заступался.

Хоть, когда я был совсем ребёнком, я сломал её куклу, но я никогда не хотел делать ей что-то по-настоящему плохое, потому что я не хочу быть таким, как мой отец. Я учусь с Ито-сан в одном классе, но я ничего о ней не знаю, кроме того, как выглядит её мать.

Моя детская радость медленно угасала все эти шесть лет, пока окончательно не угасла, и я превратился в очень грустного ребёнка с ужасным отцом. Он сказал мне, что матери

теперь нет и нам нужно будет жить вместе так, как жили до, только теперь я вынужден был стать ещё более самостоятельным, чем был до этого. Я ощущал себя так, будто уже живу один, потому что присутствие отца — это только деньги. Он сказал мне не разговаривать с ним и позволить ему наслаждаться обществом себя самого. То же самое он попросил делать и меня — учиться быть одному и не нуждаться в людях, ведь чем меньше людей, тем меньше проблем.

Будучи мальчиком, который очень хотел общения, мне его могли дать только одноклассники. Но даже от них я абстрагировался, потому что не мог рассказать им то, что творилось в моей душе. Мне действительно было невероятно тяжело так жить, но я ничего не мог поделать. Или, может, и вовсе не хотел, чтобы кто-то ко мне лез, ведь отец сказал учиться быть одному, так как «в будущем мне это поможет».

Сидя за партой, краем глаза я увидел что-то странное. Хоть до начала следующего урока оставались считанные минуты, я вышел и увидел незнакомого мне школьника, уходящего в другую сторону от нас, а потом и эту девочку. Ито Мицуки. Она стояла, прижавшись спиной к стене, и тряслась. Я видел, как её плечи дрожат, значит, она плакала из-за него. Если дети и просто люди плачут, значит, их кто-то обидел, они расстроены чем-то. Подняв голову, Ито-сан пересеклась со мной взглядом. Я не знал, нужна ли ей была какая-то помощь, но, скорее всего, нужна. Однако я просто посмотрел на книгу, лежащую в коридоре, и ушёл обратно в

класс, потому что не думаю, что это моё дело. Мы не общаемся, и вряд ли ей нужно моё вмешательство.

Уроки недавно кончились. Я стою в коридоре, оперевшись на стену и смотря в пустоту, потому что не знаю, что мне делать. Дом у меня был всегда, но это только на словах. Я не чувствую, что Игараши Шинджу мой отец.

Ко мне подходит другая девочка — Икэгучи Хасуми, брюнетка с длинными волосами, из-за которой Ито-сан для меня фоновый человек. Она наша одноклассница и, наверное, моя подруга, потому что она единственная, кто знает о моей семье. Она останавливается около меня, смотря с жалостью, потому что всё написано у меня на лице. Глаза, в которых нет жизни, и вечно хмурое лицо, словно мне не четырнадцать, а уже шестьдесят, и я старый дедушка.

— Я не могу на это смотреть, Рэнджи. Каждый раз, когда я вижу тебя, у меня ощущение, что ещё немного, и у тебя начнутся серьёзные проблемы с ментальным здоровьем, — высказывает Хасуми, скрестив руки на груди.

В ответ ей я усмехаюсь.

— Это не смешно, это очень серьёзно! Тебе нужен детский психолог! — она хмурит брови.

— Как только я зайду к психологу, она сразу же захочет поговорить с моим отцом, чтобы он уделял мне время и хотя бы как-то воспитывал. Отца это взбесит, и он скажет мне не доставлять ему проблем.

Хасуми знает о ситуации в моей семье, но она распахивает

глаза в удивлении, как будто узнала об этом только сейчас.

— В смысле проблем? Ты не проблема, ты его биологический сын, о котором он по закону должен заботиться, ведь ты ребёнок, которому требуется нормальная жизнь с родителем.

— Спасибо, Хасуми. А теперь скажи это ему. Четырнадцатилетняя девочка умнее взрослого мужчины, — я хмыкаю.

— Мне пятнадцать, если ты забыл, — Хасуми подходит ко мне ещё ближе, поэтому я смотрю на неё сверху вниз. — У меня день рождения в феврале.

— Значит, пятнадцатилетняя девочка умнее моего отца, верно.

— Идём к психологу, Рэнджи, — настаивает она.

Когда мы шли по коридору и спускались по лестнице на первый этаж, некоторые одноклассники и школьники с других классов странно на меня смотрели, потому что я не общаюсь ни с кем, кроме Хасуми. Очень надеюсь, что они не подумали что-то лишнее по типу того, что между мной и Хасуми есть какие-то ещё отношения. Всё-таки мне только четырнадцать, а ей пятнадцать, и единственное, о чём я думаю — это учёба и что мне делать дальше со своей жизнью.

Мы дошли до кабинета школьного психолога, и теперь у меня возникает ступор. Я ещё никогда у него не был, поэтому все мысли о том, что говорить, внезапно разбежались в стороны.

— Рэнджи, заходи. Я подожду тебя здесь, — говорит она, стоя сбоку от меня.

— Ладно, спасибо, — я бросаю на неё короткий взгляд, и она кивает.

Я два раза стучусь в дверь, а потом захожу к ней. Женщина со светлыми волосами печатала что-то на компьютере, но как увидела меня, сразу перевела взгляд.

— Здравствуйте. Я хотел бы с вами поговорить о своих проблемах, — я говорю это именно так, потому что не знаю, как начать разговор.

— Здравствуй. Снимай рюкзак, клади его на стул и присаживайся.

Я делаю то, что она сказала, и сажусь на стул перед ней. Психолог складывает руки перед собой, спокойно смотря на меня.

— Как тебя зовут?

— Игараши Рэнджи.

— Хорошо… Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Что у тебя случилось? Какие именно проблемы? С учителями что-то не заладилось? Или одноклассники что-то плохое сказали?

Отведя взгляд в сторону, я слегка улыбаюсь, потому что не знаю, как начать разговор, и переживаю, что она захочет поговорить с моим отцом. А тогда он разозлится и скажет, что я мешаю ему спокойно жить.

— Понимаете… Я не такой ребёнок, как остальные…

Она смотрит на меня так, будто я не сказал ничего нового. Наверное, до меня много детей это говорили.

— У меня проблемы в семье, которые, я даже не знаю, как объяснить… — моё сердце бьётся быстрее от волнения.

— Какие именно проблемы?

После её вопроса я замолкаю, потому что мне страшно. В моих мыслях уже образ злого отца, который кричит на меня.

— Чего ты боишься, Игараши-сан?

— Что вы попросите номер отца и позвоните ему, — выдыхаю я.

— Так… — психолог задумывается, — проблемы с отцом… Хорошо… А что с твоей мамой?

Перед тем как идти к ней, я знал, что больная тема вскроется и от этого не сбежать. Но я ведь пришёл сюда высказаться, поэтому мне нужно поделиться хотя бы с кем-то.

— Мамы нет. Она пропала и, наверное… — я снова замолкаю, потому что слёзы подступают к глазам.

Психолог меняется в лице, потому что она поняла, что мама мертва.

— Что ты можешь сказать об отношениях своих родителей? Они любили друг друга?

Глядя на её стол, я отрицательно мотаю головой.

— Папа бил маму или они просто ссорились?

— Не бил, но они ссорились и жили, как незнакомые люди.

— Что говорили бабушка и дедушка с обеих сторон родителей?

— Я не знаю, родители не поддерживали с ними контакт.

— Папа скучает по твоей маме?

Этот вопрос больно режет мне по сердцу, потому что я знаю, что ему было плевать. Он просто увидел, что мама пропала, но ничего не предпринял.

— Нет, — коротко отвечаю я.

— Что ж… Это сложно. В каких отношениях ты с папой? Как он к тебе относится? Хвалит, часто обнимает, помогает с уроками, дарит подарки?

— Ничего из этого, — мой взгляд снова пустеет.

— И из-за этого тебе тяжело. Что папа не хочет с тобой разговаривать. Тебе четырнадцать лет, и ты всего лишь ребёнок, который хочет отеческой заботы, но не получает её, — высказывается она.

— Я уже не знаю, чего хочу. Папа сказал мне, что я должен учиться быть один, потому что в будущем мне это поможет.

Психолог в удивлении поднимает брови и протяжно вздыхает.

— Мне действительно нужен разговор с твоим отцом, но ты не хочешь, Рэнджи-сан. В таком случае, больше общайся с одноклассниками и учителями. И если есть возможность, поговори с бабушкой и дедушкой.

Я усмехаюсь, потому что так и думал, что мне этот разговор особо не поможет, но я хотя бы выговорился.

— Ладно, спасибо вам, психолог-сама.

Она кивает мне в знак согласия. Встав, я снова надеваю рюкзак на плечи и выхожу из её кабинета. Хасуми, стоявшая справа от двери, сразу подходит ко мне.

— Ну что? Что она сказала, Рэнджи?

— Ей нужен разговор с моим отцом, но я сказал, что мне это не надо. Я выговорился, она посоветовала мне больше общаться с одноклассниками и учителями.

— Тебе стало легче? — я вижу в её глазах искреннее волнение.

— Немного да, но мне нужно время на восстановление. Я пойду домой, всё равно делать нечего.

— Хорошо… — с ноткой грусти соглашается Хасуми.

***

2016 год

Мицуки

С каждым днём я чувствую, как моя жизнь становится всё хуже. Дышать становится тяжелее, и ментальное состояние нуждается в восстановлении, но всё скатывается в кошмар.

Я не хотела возвращаться в наш маленький дом, потому что в октябре прошлого года мама завела себе любовника, который мне максимально отвратителен, хоть я её биологическая дочь и жила там, где мне и надо. У нас с матерью и так стало намного меньше общения, чем его вообще было, потому что мы мало разговаривали, мы просто существова-

ли в одном месте. Всё своё время она посвящала этому мужчине, которого зовут Сэиджи. Я к этому привыкла и, наверное, благодарна ей, что со мной она почти не общалась. Моя жизнь ей неинтересна и мне её тоже.

Однако в один день мне не повезло. Я вернулась домой после уроков и застала там Сэиджи. Он у нас даже не жил, но мама разрешила ему оставаться у нас на ночь, несмотря на мой дискомфорт. Я уже и так поняла, что мама оставила ему ключи от нашего дома и это одно из её ужасных решений. Сэиджи, мужчина возраста моей матери, начал кидать на меня странные взгляды и пытаться трогать. Но уже тогда я поняла, что у меня есть только я, потому что матери плевать, что я чувствую, а бабушка болеет и лежит в кровати.

Я сказала Сэиджи, что его женщина — это моя мать, и пусть он просто отстанет от меня, но он не отстал, потому что ему стала интересна именно я и это хуже всего.

После навязчивого внимания Сэиджи у меня появился страх мужчин. Мне стало не по себе даже находиться рядом с парнями в школе, и я отходила на безопасное расстояние.

В один момент мне стало страшно за себя, ведь я не хочу, чтобы Сэиджи делал мне больно. Я решила обратиться к учителям в нашей школе, потому что больше не к кому. Мне было стыдно рассказывать одноклассницам, что со мной хотят что-то сделать, и я всё ещё не дала отпор. Но в то же время я понимала, что я не смогу защитить себя от Сэиджи из-за того, как меня всю сковывает страх при нём.

После моего рассказа учителя сразу же забили тревогу. К нам домой пришли представители опеки и забрали меня с собой. Сэиджи должны были дать четыре года тюрьмы, но не дали, потому что нет доказательств. Да, мне было обидно, что он не получил наказание в виде тюремного заключения, но я так и думала, потому что поняла, что мир жесток и несправедлив. Особенно когда это касается жертв.

За мной всё ещё должен кто-то следить и обеспечивать меня. Бабушка недавно умерла, что означает, что моей опекуншей она не станет, но со мной связалась учительница математики Такахаши-сэнсэй. Она-то и стала моей опекуншей и сказала, что я могу жить в квартире, которую она сдаёт. Такахаши-сэнсэй стала моей приёмной матерью.

Это маленькая квартира на втором этаже в белом двухэтажном доме, находящемся не так далеко от моей школы. Мне и не нужен был дворец принцессы, поскольку после происходящего в нашем доме эта квартира оказалась для меня островком безопасности, где я могу всегда быть одна, и, если что, закрыться на цепочку, и меня никто не тронет.

В квартире, принадлежащей Такахаши-сэнсэй, есть всё то же самое, что и было у меня дома, так что ничего нового я для себя не увидела, кроме как то, моя самостоятельная жизнь началась слишком рано.

Я сижу в школьной форме на своей кровати, одеяло которой такое же серое, как и моя жизнь, и смотрю в стену перед собой. Я действительно теперь одна. Матери без меня будет

намного лучше, как и мне без неё, потому что пусть она продолжает проводить время с тем мужчиной, а я буду жить тут одна и никого не пускать к себе.

Однако почему-то к глазам подступают слёзы, хотя сейчас всё именно так, как я хотела. Одиночество и единение с самой собой. Всё ведь хорошо, потому что нет матери и Сэиджи, но на самом деле нет ничего хорошего. Всё хорошо лишь на словах, потому что я в безопасности, но фактически всё ужасно, потому что я теперь одинокая сирота.

Я беру в руки концы своих тёмных волос, которые доросли до самой талии. Встав с кровати, я иду в ванную комнату, чтобы отрезать их, как символ того, что я избавляюсь от жизни со своей матерью и Сэиджи.

Я включаю свет и захожу в ванную. На раковине лежат серые металлические ножницы, которые недавно мне дала Такахаши-сэнсэй, но эти ножницы не для бумаги, а для волос. Подойдя к раковине, я смотрю в зеркало, как из моих глаз текут слёзы боли и отчаяния. Обычно в таком состоянии людям нужна поддержка своих друзей, но в моём случае надо справляться со всем самостоятельно, ведь я не думаю, что моё присутствие в чьей-то жизни так важно.

Взяв ножницы в правую руку, я раскрываю их и беру прядь волос слева. Слёзы льются сильнее, и моё дыхание становится глубже из-за какой-то обиды. Я отрезаю волосы, и они летят на пол. Я снова смотрю в зеркало на себя, мои глаза уже начинают краснеть от нервов, но начало положено.

Я отрезаю волосы ещё и ещё, пока не сделаю сама себе своё долгожданное каре.

Наконец-то волосы больше не мешают мне, потому что они подстрижены до самого подбородка. Для меня это маленькая радость, поэтому видя свои уже заплаканные глаза, у меня получается искренне улыбнуться.

Глава 1

Мицуки
Настоящее время (Ноябрь 2018 года)

Я в очередной раз разлепляю глаза под жужжание будильника. Ежедневное напоминание, что я всё ещё не закончила школу и живу как робот. Делаю одно и то же каждый день: просыпаюсь, собираюсь в школу, сижу на уроках, возвращаюсь домой, делаю уроки и параллельно готовлюсь ко сдаче экзамена. Моя жизнь уже давно потеряла прежние краски, отчего моим любимым цветом стал серый. Из светлой девочки, которая верила в свою будущую лучшую жизнь, я превратилась во вредину, вечно закатывающую глаза и всегда ходящую по улицам и коридорам школы с недовольным лицом. Хоть мне и исполнилось вчера восемнадцать лет, для меня ничего не изменилось. Моя квартира, улица и школа — всё в серых цветах, потому что я не знаю, чему мне радоваться в этой жизни.

Я настолько утопила саму себя в меланхоличной атмосфере и бесконечной подготовке к экзаменам, что попросила деньги у Такахаши-сэнсэя на осветление и перекраску волос. Всё позитивное и светлое во мне до такой степени угасло, что я перенесла это даже на свою внешность. Кареглазая школьница с пепельным удлинённым каре.

Но я утопила себя в такой атмосфере из обиды на свою мать Исанами. Моя мечта — найти хорошую работу и заработать много денег, чтобы жить в своё удовольствие для самой себя и ни в чём не нуждаться. Всё это отголоски бедной жизни с матерью, которую я сейчас даже видеть не хочу, потому что ненавижу её.

Вот я снова повторила все те же базовые действия и уже стою в одежде: серые колготки, чёрные кроссовки, чёрная школьная форма сейлор-фуку с матросским белым воротником и бантом и тёмно-серый плащ с таким же серым шарфом в клетку.

Подобрав свой серый «недевичий» рюкзак с брелоком белой кошки манэки-нэко на переднем кармане, я натягиваю его себе на спину, открываю серую дверь квартиры и выхожу на улицу.

Я уже поняла, что сегодня погода такая же серая и хмурая, как и я весь этот год. Смотря со второго этажа на асфальт, я замечаю лужи на дорогах. Похоже, ночью был дождь. Я разворачиваюсь обратно к двери и закрываю её на ключ, как это делает всегда любой человек.

Несмотря на то, что я привыкла к этой квартирке и в целом месту моего нынешнего жительства, меня напрягает один мой сосед, живущий со мной на одном этаже, только он живёт в начале, а моя квартира находится в самом конце, потому что четыре квартиры на один этаж.

Этот мужчина поселился в нашем доме как три месяца, и

судя по музыке, доносящейся с его квартиры, и запаху алкоголя и сигарет, он очень любит развлекаться. Я так толком и не смогла разглядеть его лицо, но ходит он почти в одном и том же: толстовки, куртки, джинсы и спортивные штаны.

Кинув ключи в карман плаща, я направляюсь к лестнице со второго этажа. Как обычно, я снова почти ухожу в свои мысли, как дверь той первой квартиры открывается. Похоже, мы вышли в одно время, только вот он пойдёт на работу. Я совсем не горю желанием смотреть на соседа, но всё же я поднимаю голову, и мы встречаемся взглядами. У него тёмные волосы, он точно старше двадцати лет, и у него шрам, начинающийся с левой брови и заканчивающийся на щеке. Он всё в той же обычной одежде: куртка и джинсы. Только вот этот шрам на его лице выглядит весьма пугающим.

Мы встретились взглядами всего-то на минуту, и я уже снова смотрю на лестницу с прямоугольными бледно-голубыми вставками впереди меня.

— Доброе утро, соседка, — зачем-то приветствует меня этот незнакомец.

— Доброе утро, оджи-сан, — я отвечаю только из вежливости, потому что он старше.

— Вроде как видел тебя. Школьница, да? — следуя за мной по лестнице, он усмехается.

Несмотря на то, что это стандартная ситуация общения двух людей, живущих в одном доме на одном этаже, мне уже некомфортно, потому что он спускается сзади меня.

— Да, оджи-сан, — отвечаю я ровным тоном.

Порой мне кажется, что я преувеличиваю и отношусь ко всем мужчинам с подозрением, но это помогает мне уберечь себя.

— В каком ты классе? Выглядишь достаточно взрослой.

Спустившись по лестнице на улицу, я чувствую его взгляд между лопатками.

— А зачем вам это знать?

— Просто, как я понял, ты одиночка, раз живёшь в такой квартире. Дети ведь должны с родителями жить, — я знаю, что он улыбается.

Я сразу же сворачиваю направо, потому что каждый день так хожу в школу, а он идёт за мной и пытается нагнать меня.

— Где твои родители, соседка? — я прячу лицо в шарфе, пока он пытается идти со мной вровень. — Ты что, совсем одна?

— Я просто иду в школу, оджи-сан.

Незнакомец своим присутствием не то что пугает меня, он раздражает.

— Я же вижу, что тебе лет немного. Почему одна-то живёшь?

Он три месяца живёт в нашем доме, и встретились мы только сейчас. А лучше бы вообще не встречались.

Из-за того, что он продолжает идти со мной и слегка касаться моей правой руки, я вынуждена прибавить скорость, чтобы быстрее от него отойти и уже оказаться ближе к шко-

ле.

— Что ты такая неразговорчивая, что даже компанию мне составить не можешь? — говоря это, мужчина догоняет меня. — Как тебя зовут? Номерок дашь?

Почему этим чёртовым представителям противоположного пола всегда хочется пристать к молодым девушкам? Неужели настолько сложно строить отношения со взрослыми девушками?

— Я не хочу разговаривать, оджи-сан. Мне нужно думать о школе и об уроках, а вам нужно идти на работу, — устало отвечаю я.

Я знаю, что это не последний случай, когда мне придётся защищать себя от потенциальной угрозы, потому что и раньше так было, и именно со мной. Все взрослые мужчины считают обязательным подойти и познакомиться с молодой девушкой.

Следуя в школу побыстрее от него, я слышу, как он цокает языком и вздыхает. В таких ситуациях я всегда думаю о том, насколько хорошо мужчина меня запомнил. Потому что, если запомнил хорошо, он может позвать своего друга, чтобы зажать девушку где-то в тёмном переулке, где… никто не услышит её криков. Но данный случай ещё хуже, потому что мы соседи, и если он понял, что моя квартира последняя на этаже, то я даже не знаю, что мне делать. Не переезжать ведь, потому что это везение, что Такахаши-сэнсэй стала моей приёмной матерью.

Пока я думаю, как обеспечить себе безопасность, я даже не замечаю, насколько быстро иду и насколько сильно бьётся моё сердце. Такое ощущение, что я на физкультуре круг бегу, а не по улице иду.

***

Приближаясь к школе, чувствую, как, на меня снова накатывает недовольство. Я слышу, как рядом со мной смеются какие-то дети, видимо, из начальной школы. Поскольку я учусь в выпускном классе, меня раздражает слышать то, как дети в прямом смысле смеются и весело общаются друг с другом, будто это парк развлечений, а не учебное заведение.

Я слегка поворачиваю голову направо и вижу, как две девочки с фиолетовыми рюкзаками идут вместе чуть ли не вприпрыжку. Смотря на эту картину, я хмурю брови, потому что мне непонятно, что такого весёлого в том, чтобы сидеть на уроках до восемнадцати лет.

Детский смех тут же прекращается, потому что обе девочки заметили меня. Я не собираюсь делать вид, что не смотрела на них. Я действительно шла рядом, и меня раздражал звук их заливистого смеха.

Отвернувшись от них, я тут же прибавляю шаг и иду в открытые металлические ворота своей школы. Впереди я вижу старосту нашего класса и по совместительству мою подругу — Гото Асами. Наша школа уже давно отменила строгие правила насчёт внешности, и Асами стала одной из первых, кто покрасил свои волосы, она блондинка.

Асами поднимается по лестнице и заходит в школу. Я делаю то же самое и тяну дверь на себя. Поскольку нам и смену отменили, то я просто прохожу к своему шкафчику, открываю его и кладу туда шарф. Я снимаю свой тёмно-серый плащ, аккуратно складываю и тоже кладу его в шкафчик. Закрыв дверцу, я проворачиваю ключ в отверстии.

— Мицуки-чан, ты пришла! — восклицает Такахаши-сэнсэй.

Я больше ожидала, что меня поприветствует Асами, но её шкафчик находится с другой стороны.

Развернувшись спиной к шкафчикам, я вижу свою приёмную мать. Она стоит в обычной офисной одежде и держит какую-то синюю папку. Такахаши-сэнсэй всегда была улыбчивой и обаятельной женщиной, потому что на неё засматривались даже парни нашего класса. Поэтому мальчики меня и пугают своим интересом ко взрослым женщинам. Я всегда считала, что все люди должны строить отношения с теми, с кем маленькая разница в возрасте, либо одногодки.

— Доброе утро, сэнсэй, — усталым голосом отвечаю я и кланяюсь.

В моих глазах всё те же недовольство и усталость. Эти эмоции сэнсэй видит каждый день. Порой я удивляюсь, как не надоела ей своим унынием.

— У меня для тебя важное поручение, Мицуки-чан, — тон её голоса с беззаботного резко переходит к серьёзному.

Смотря на неё, я спрашиваю глазами, что за важное по-

ручение.

— Как ты знаешь, в следующем году вам сдавать экзамен, а потом готовиться ко вступительным экзаменам в университет и заканчивать школу, — говорит она то, что знаем все мы.

— Да, сэнсэй…

— Успеваемость Игараши-сан в этом году ухудшалась с каждым днём, и это очень сильно волнует меня и его отца.

Рэнджи-сан и правда очень изменился с тех пор, как мы были в средней школе, но я не интересовалась его жизнью.

— Его отца очень сильно напрягает положение Игараши-сан в школе, потому что… — Такахаши-сэнсэй делает паузу, а я жду, пока она закончит предложение. — Есть вероятность его исключения из школы.

Я вижу, как она нервничает, хотя обычно учителям нет дела до какого-то там очередного старшеклассника, прогуливающего уроки. Я действительно стала реже видеть Рэнджи-сан в школе, будто он и вовсе забыл, что такой же выпускник, которому надо побольше времени уделять учёбе, но мне правда особо никто не интересен, кроме самой себя, и я не считаю, что это плохо.

— Хорошо, сэнсэй. А почему вы говорите это мне? — от непонимания я слегка хмурюсь.

— Это и есть важное поручение, Мицуки-чан. Ты должна помочь ему наверстать упущенное, чтобы он закончил школу, — она говорит со всей серьёзностью, пока я потупляю

взгляд в пол.

Моя жизнь сейчас перевернулась с ног на голову, потому что я — очень плохой выбор того, кто поможет Рэнджи-сан. Хоть я и круглая отличница, эти оценки дались мне с трудом, потому что я вынуждена быть отличницей из-за того, что живу в квартире Такахаши-сэнсэя. Наши отношения вовсе не тёплые, а скорее просто условные, так как хоть она и приёмная мать, сэнсэй более функция, нежели женщина, которая заботится обо мне. Она действительно поставила мне условия, что я живу в квартире за оценки.

— Найдите кого-то другого, сэнсэй, — говорю я, всё ещё глядя в пол с широко распахнутыми глазами.

— Это важное поручение лишь для тебя, Мицуки-чан. Ты забыла, что живёшь в квартире за хорошие оценки? Я не могу требовать с тебя оплату, потому что ты учишься в школе.

— Не я одна хорошо учусь, сэнсэй, — в моём голосе скользит нотка волнения. — Я не смогу помочь ему изучить программу, у меня самой с учёбой отношения натянутые.

— Мицуки-чан… — предупреждающе говорит Такахаши-сэнсэй.

— Почему не Гото Асами? Она староста, прилежная ученица, и ей легко даётся учёба.

— Потому что. Выпуск в марте следующего года. Если ты не начнёшь с ним заниматься, ты рискуешь потерять моё расположение.

Лицо сэнсэя резко меняется, и теперь передо мной дей-

ствительно строгая учительница.

— Понятно, Мицуки-чан? — теперь в её глазах только холод.

— Да, хорошо, сэнсэй, — вынужденно соглашаюсь я и кланяюсь.

Она уходит с этой папкой готовиться к началу своего урока, а я опираюсь на шкафчики спиной, потому что не знаю, что делать. Как мне вообще поговорить с Рэнджи-сан, учитывая, что я даже не знаю, пришёл ли он в школу? Нет, ключевое даже «придёт ли».

Он правда изменился, и я не знаю, насколько сложно будет найти подход к нему, учитывая, что из отличника класса он превратился в ленивого школьника. В груди отзывается болью и волнением то, что теперь я как «мамочка» должна помогать ему по учёбе, когда мне самой бы кто помог.

Когда я не могла понять тему по той же физике, а на следующий день была контрольная, мне приходилось объяснять самой себе с перерывами, и то я не до конца понимала, но мной управляло лишь отчаяние. Или же могла зубрить математику так долго, что не замечала, что за окном уже ночь, и в итоге отрубалась прямо на столе, а через время просыпалась в панике и страхе, потому что не поняла, что произошло. Иногда ходила в школу со стеклянными глазами, потому что не спала всю ночь, но на уроке присутствовать надо. И таким образом я не пропустила ни одного занятия в году, что напугало даже моих одноклассников. Некоторые уже шутят, что

я задротка, которая не умеет общаться, а только учиться.

Я сажусь на корточки и расстегиваю передний карман рюкзака. Мне нужно узнать, сколько времени до начала урока, чтобы я смогла поискать Рэнджи-сан. Я достаю телефон из кармана и нажимаю боковую кнопку. Первый урок начнётся в 8:30, сейчас 8:10, у меня есть двадцать минут, чтобы найти его и поговорить с ним. И говорить с ним я буду почти первый раз, несмотря на то, что мы учимся в одном классе всю жизнь.

Я возвращаю телефон обратно в карман рюкзака и встаю с пола. Надев рюкзак обратно себе на спину, я вновь иду к дверям, потому что не думаю, что Рэнджи-сан резко изменил своё отношение к учёбе и уже сидит, ждёт звонка на урок.

Выходя на улицу, я даже забываю о том, что на мне нет верхней одежды, да и мне некогда снова одеваться, потому что времени и так мало. Я не обращаю внимания на лёгкий холод, пробирающийся мне под одежду. На месте сразу не замёрзну, можно и потерпеть.

Я стою на крыльце и рассматриваю всех школьников в надежде увидеть Рэнджи-сан. Но увидеть его не так уж и сложно. Он заметный и даже очень, потому что тоже крашеный. У него серо-зелёное мелирование и чёлка.

Я замечаю Рэнджи-сан довольно быстро. Он стоит справа на траве в своей чёрной куртке вместе со своими друзьями, которые… явно не учатся в нашей школе, и вообще они выглядят как взрослые мужчины.

Видя трёх парней вокруг него, мне страшно подходить, потому что на фоне этой компании я буду выглядеть слишком странно. Но я понимаю, что подойти мне всё равно придётся, иначе я останусь жить непонятно где.

Глубоко вдохнув, я выдыхаю и иду к Рэнджи-сан. Мне абсолютно плевать на его друзей, и я иду к нему, чтобы решать его же проблемы.

Заметив моё приближение, Рэнджи-сан резко перестаёт разговаривать и смотрит на меня, и его друзья делают то же самое. Боже, я не люблю такое пристальное внимание.

— Рэнджи-сан, — обращаюсь я и чувствую, как уже замерзаю.

Я стараюсь не смотреть на этих парней вокруг него, но я уже волнуюсь и сжимаю пальцами ткань юбки.

— Мицуки?.. — говоря моё имя, он осматривает меня с ног до головы.

Видя его перед собой, я замечаю, как он на самом деле изменился. Ранее он казался добрым мальчиком, потом стал холодным, а теперь и вовсе я вижу в его зелёных глазах какую-то игривость и любопытство.

Но Рэнджи-сан обратился ко мне неформально, на что я даже не знаю, как реагировать, потому что мы не друзья.

— Мне нужен разговор с тобой, Рэнджи…-сан, это важно, — серьёзно говорю я, зная, что сейчас у меня холодный взгляд.

— Разговор? Со мной? — он улыбается, явно застигнутый

врасплох.

— Да.

Его друзья всё поняли, поэтому отходят от нас двоих. Сейчас мне будет менее страшно разговаривать.

— Что за разговор? — скрестив руки, он спрашивает с улыбкой и лёгким любопытством.

— Наша учительница математики, Такахаши-сэнсэй, она сказала мне, что ты под угрозой исключения из школы.

Я говорю всё как есть, ничего не утаивая, потому что не вижу в этом смысла.

Рэнджи-сан усмехается уголком губ мне в ответ, хотя я ничего смешного не вижу.

— Да, я знаю, отец мне тоже об этом говорил, однако я всё ещё школьник и всё ещё хожу в школу, — он делает ходящее движение пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.